

ПРЕДСМЕРТНЫЕ
СТИХИ
САМУРАЕВ

Предсмертные стихи самураев

«Фолио»

Предсмертные стихи самураев / «Фолио»,

Предсмертные стихи самураев – уникальное явление в мировой литературе. В них соединилось казалось бы несоединимое: аристократическая изысканность танки и суровый воинский дух. И этот сплав породил настоящую высокую поэзию.

Содержание

От переводчика	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ольга Александровна Чигиринская Предсмертные стихи самураев

С благодарностью Вячеславу Онищенко и Нине Клепиковой.

От переводчика

Было время, когда само это словосочетание – «поэзия самураев» – вызвало бы смех утонченных аристократов, проживавших в Тайра-но Мияко, Хэйан-кё, Столице Мира и Покоя (ныне город Киото). Самураи были низшим, служивым классом, само название «самурай» означало, по сути дела, «слуга». Простые грубые воины, зачастую они были попросту неграмотны, не говоря уж о том, что не могли сравняться происхождением со знатью-кугэ, возводившей свои родословные к тому или иному богу.

Однако годы шли, и по мере того, как разрастался класс кугэ, отпрыски знатных домов все чаще становились воинами, а воинское ремесло – наследственным в некоторых аристократических семьях. Управляя далекими провинциями, эти выходцы из знати вынуждены были вести военные действия против «варваров» – эмиси (коренного населения Японских островов, предков народа айнов). Нередкими бывали и междоусобные стычки, даже настоящие гражданские войны, такие как мятеж Тайра Масакадо. Так воины из знатных родов – Абэ, Татибана, Тайра, Минамото – перенимали воинский образ жизни и особую воинскую этику, отличавшуюся от этики аристократов-кугэ. И в то же время они привносили в грубую жизнь солдата утонченность, присущую знати, особенно увлечение поэзией.

Стихосложение было частью повседневной жизни японского аристократа эпохи Хэйан. Этикет требовал откликаться стихами на любое событие, более или менее значительное, любовная и дружеская переписка непременно подразумевала обмен стихотворениями, при дворе постоянно устраивались поэтические состязания, а составление поэтических антологий считалось важным государственным делом. Поэтому стихосложению обучались с детства и оттачивали мастерство в течение всей жизни.

Впрочем, поэзия была частью не только аристократической культуры: старейшая из японских стихотворных антологий, «Манъёсю» («Собрание мириад листьев») хранит множество народных стихов и песен. Аристократическая поэзия эпохи Хэйан отдалялась от народной традиции с каждым веком все больше, но полного разрыва не произошло, потому что поэзия *вака* (дословно – «японская песня») корнями уходит в самое сердце японского народа. Поэтому нельзя однозначно сказать, что поэзия *вака* пришла к самураям именно сверху, из аристократических кругов. Сборник «Манъёсю» хранит несколько прекрасных образцов лирики, написанной воинами:

*Когда из дому я в дорогу уходил,
Государеву приказу подчиняясь,
Говоря со мной,
Любимая жена
Все боялась мои руки отпустить.*

*Мононобэ Тацу
(пер. А. Е. Глускиной)*

Отец и мать,

*За домом позади у вас в саду
Есть «сто веков-трава».
Так сто веков на свете вы живите,
До той поры, пока я не приду!*

*Икутамабэ Тарикуни
(пер. А. Е. Глускиной)*

Не отличаясь сложностью поэтической формы, эти стихи поражают искренностью и силой чувства.

Воины-аристократы эпохи Хэйан не называли себя самураями. Они предпочитали слово «буси» («военный чиновник») либо «букэ» («военная семья»). По отношению к аристократам высших рангов они все же чувствовали себя подчиненными, униженными. Люди из «домов лука и стрел» редко достаивались высоких придворных чинов. Поэтому вельможи вели себя по отношению к ним высокомерно и насмешливо. Например, когда император пригласил своего любимца Тайра Тадамори на пир, знатные гости начали потешаться над ним, напевая: «Исэ-но Хэйси ва сугамэ-нари», что означает «Тайра из Исэ окривел на один глаз».

Сын Тадамори, Киёмори, в юности вытерпев немало унижений от знатной родни, отыгрался за все, когда стал регентом при своем внуке, малолетнем императоре Антоку. Он был первым человеком из воинского рода, достигшим вершин власти. Однако Киёмори не удалось долго почивать на лаврах: его власть начал оспаривать другой могущественный воинский род – Минамото. И хотя Киёмори умер, так и не увидев падения и гибели своей семьи, Минамото победили в кровопролитной гражданской войне, и с их победой эпоха утонченных аристократов кугэ закончилась навсегда. Подлинными хозяевами страны сделались полководцы сёгуны, и судьба государства решалась теперь не при императорском дворе в Киото, а в Камакура – в сёгунской ставке-бакуфу (дословно – «шатер полководца»).

Присвоив привилегии кугэ, самураи усвоили и аристократические привычки. Сочинение стихов сделалось теперь обычным не только среди тех, кто происходил из аристократических родов. Хроника «Тайхэйки» описывает (не без иронии), как при осаде замка Тихая самураи развлекаются, устроив поэтический турнир: составляя цепочку *рэнга* – «нанизанных строф»: каждый участник придумывает на заданную тему две или три строки так, чтобы эти строки, объединяясь с теми, что выше или ниже по цепочке, образовали полноценную танка.

События, описанные в «Тайхэйки», относятся уже к XIV веку, когда император Годайго (1288–1339) попытался оспорить власть камакурских правителей из рода Ходзё, узурпировавших власть рода Минамото. Первоначально императору сопутствовал успех, войска Ходзё были разгромлены, императорская власть восстановлена. Но успех вскружил ему голову – как нередко бывает с победителями, – и он принялся устранять вчерашних союзников, опасаясь их возросшего влияния. И генерал Асикага Такаудзи (1305–1358) поднял мятеж. В 1338 г. Асикага провозгласил себя сёгуном и стал основателем династии сёгунов Асикага, правивших страной (более или менее успешно) на протяжении 15 поколений.

Со временем и сёгунат Асикага пришел в упадок – магнаты клана Хосокава полностью контролировали сёгунов, их власть оспаривали другие магнаты. Десятилетняя гражданская война Онин (1467–1477) положила начало эпохе Сражающихся княжеств.

В это время окончательно сложился самурайский этос. В стране, раздираемой усобицами, полководец стал главной фигурой. Самураи больше не подражали изнеженным придворным, но и не были теми варварами, о которых с насмешкой писали в романах эпохи Хэйан. Воинский идеал предполагал верность принципам конфуцианской морали, среди которых первое место занимала преданность. Именно в это время главы самурайских домов и полководцы начали составлять своды правил для своих вассалов и домочадцев – такие как «21 правило

Ходзэ Соуна», «Изречения Асакура Сотэки», «Суждения в девяноста девяти статьях» Такэда Нобусигэ.

Первым, кто серьезно задался целью объединить Японию, стал Ода Нобунага (1534–1582). Собрав вокруг себя плеяду талантливых военачальников, среди которых особенно выделялись Тоётоми Хидэёси (1536–1598) и Токугава Иэясу (1542–1616), Ода одерживал одну победу за другой, но ссора с вассалом Акэти Мицухидэ привела к тому, что Мицухидэ убил Ода и его старшего сына.

Тоётоми Хидэёси продолжил дело объединения Японии, но уже не для наследников Ода, а для себя. Впрочем, и он, достигнув вершин власти, не смог передать ее сыну. Отчасти причиной тому было сословно-родовое сознание японцев: не принадлежащий к потомкам дома Минамото не мог претендовать на звание сёгуна. К тому же Тоётоми был выходцем из крестьян, и родовитые князья не потерпели бы над собой такого сёгуна.

После смерти Тоётоми Хидэёси борьба за власть разыгралась между Токугавой Иэясу и Тоётоми Хидэёри – точнее, его матерью Ёдогими, властной и умной женщиной, племянницей Ода Нобунага. Именно она стояла за спиной Исида Мицунари, председателя опекунского совета при малолетнем Хидэёри. Войска Исида (Западная коалиция) и Токугава (Восточная коалиция) сошлись в битве при Сэкигахара в 1600 году, и партия Исида проиграла. В 1603 году Токугава Иэясу был провозглашен сёгуном. В 1614 году он уничтожил остатки оппозиции, сгруппированные вокруг юного Тоётоми Хидэёри и его матери. Головы побежденных самураев победители расставили вдоль всей дороги от замка Осака, где произошла решающая битва, до замка Фусими.

Наступил долгий мир. Укрепляя свою власть, Иэясу и его наследники окончательно утвердили систему «четырех сословий»: крестьян, торговцев, ремесленников и самураев. Само самурайское сословие тоже расслоилось на четко регламентированные группы; во главе его стояли *госанкэ* – «три почтенных дома», из которых только и могли выбирать сёгуна. Следующими в иерархии были *фудай даймё* — князья, чьи предки поддержали Токугаву Иэясу в битве при Сэкигахара. Ниже их стояли *тодзама даймё* – князья, чьи предки были в оппозиции к правящему дому. Значительность князя определялась не только принадлежностью к фудай либо *тодзама*, но и размерами его надела – *хана*. Непосредственно сёгуну подчинялась прослойка *хатамото* – «знаменосцев», а также личных вассалов – *гокэнин*. Хатамото и гокэнин также делились на категории: *фудай* (потомки ближайших сподвижников Токугава Иэясу) и *гохо*. Следующей ступенью самурайской иерархии были *байсин* (вассалы князей и хатамото). Ниже всех стояли *асигару*, «копьеносцы», и *госи*, деревенские самураи, чей образ жизни мало отличался от крестьянского. Существовала также особая – так называемая прослойка *ронины*, или *роси*, – самураи без господина, деклассированные воины. Они пополняли ряды телохранителей, наемных убийц и бандитов.

Самураи служили за жалованье, которое высчитывалось в рисовом эквиваленте. Единицей измерения служил 1 *коку* (около 180 литров). Размер жалованья каждой категории самураев также был строго регламентирован и зависел не только от должности самурая, но и от того, как долго эта семья служила своему господину. Верные на протяжении 2–3 поколений вассалы получали прибавку к жалованью автоматически. Общий годовой сбор риса по всей Японии составлял 28 млн коку. Из них 8 млн принадлежали сёгуну (40 тыс. шло на содержание императорского двора), а 20 млн являлись собственностью 270 даймё. Таким образом, ни один князь не мог позволить себе войско больше сёгунского. Кроме того, возникновению мятежей препятствовала система *санкин котай*, официального заложничества. Князья с годовым доходом в 10 000 коку и больше, а также личные вассалы сёгуна каждый второй год или половину каждого года проводили в Эдо. Поскольку размер свиты и расходы на ее содержание также были строго регламентированы, эти официальные визиты становились очень разорительным мероприятием, и князья неуклонно увеличивали налоговый гнет на свои провинции.

Как раз во время одного из таких визитов и случился инцидент, положивший начало самой знаменитой вендетте в Японии. Асано Наганори (1667–1701), князь Аки, не вытерпел оскорбления от чиновника Кира и ударил его мечом. Сёгун приговорил Асано к сэппуку, но 47 его вассалов, отказавшись умирать вслед за господином, превратились в презираемых обществом ронинов. Однако их отказ был продиктован вовсе не трусостью – они тайно поклялись отомстить обидчику. Больше года они готовили покушение на Кира и 14 декабря 1702 года осуществили свой дерзкий план, после чего сдались властям. Несмотря на то что общественное мнение было на их стороне, сёгун Токугава Цунаёси приговорил их к смерти.

Поступок 47 ронинов всколыхнул страну и послужил своеобразным индикатором состояния воинского сословия в годы правления императора Гэнроку (1687–1709). За три поколения мирной жизни отвага, готовность к самопожертвованию и преданность самурая остались провозглашаемым идеалом, но в жизни от самурая, по сути дела превратившегося в гражданского чиновника, требовались умение угождать господину и безынициативность.

Именно в это время были созданы знаменитые трактаты о самурайской этике – «Будосёсинсю» Дайдодзи Юдзана и «Хагакурэ» Ямамото Цунэтомо. Но не стоит переоценивать значение этих трактатов, хотя они и стали в дальнейшем основой классовой идеологии самурайства, на деле же представляли собой своеобразный плач по навсегда ушедшей в прошлое, а следовательно, идеализированной модели отношений вассала и господина. *«Тогда молодые люди никогда не говорили о выгоде или потере, никогда не упоминали о ценах и краснели, слыша разговоры о любовных делах. Я считаю, что все самураи должны изучать древние идеалы и восхищаться ими, даже не будучи способными их достигнуть»¹*, – пишет Юдзан.

Мсть 47 ронинов полностью соответствовала духу бусидо эпохи Сражающихся княжеств, но во времена Гэнроку такие люди, как Оиси, глава и вдохновитель этого дела, были попросту опасны: они обладали инициативой, умели планировать и приводить свои планы в исполнение. Ямамото Цунэтомо, автор «Хагакурэ», осудил Оиси и его людей: а что было бы, если бы за время подготовки к акту возмездия Кира умер своей смертью? Тогда всего сорок семь были бы напрасно опозорены, а напрасный позор – хуже всего для воина. Лучше бы они совершили свою попытку сразу: они бы погибли, не достигнув цели, но явили бы всем чистоту своих намерений. А еще лучше было бы совершить сэппуку вслед за господином.

Новые кодексы бусидо культивировали, с одной стороны, крайний идеализм, с другой – мелочную регламентацию всех сторон жизни воина.

«Когда Сиба Кидзаэмон служил у него, однажды хозяин остриг себе ногти и передал их слуге со словами:

– Выбрось их.

Однако Кидзаэмон, не поднимаясь на ноги, держал их в руке.

– В чем дело? – спросил хозяин.

– Одного не хватает, – ответил Кидзаэмон.

– Вот он, – сказал господин Кацусигэ, протягивая ему ноготь, который он спрятал».

Однако надо отдать должное новым идеологам: они высоко ценили образование.

«Ныне империя находится в мире, и хотя нельзя сказать, что родившиеся в самурайских семьях равнодушны к военному делу, их не посылают в битву в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, как воинов прежних времен. Поэтому в семь или восемь лет, когда ребенок подрос, его необходимо познакомить с Четверокнижием, Пятиканонием и Семикнижием, а также обучить каллиграфии, чтобы он запомнил, как писать иероглифы. Затем, когда ему исполнится пятнадцать или шестнадцать, его следует обучать стрельбе из лука, верховой езде и всем другим военным искусствам, ибо только так самурай должен воспитывать своих сыно-

¹ Здесь и далее цитируется по: «Книга Самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ нюмон», СПб: Евразия, 2003.

вей в мирное время. Нынешнему воину, в отличие от воина эпохи Внутренних войн, безграмотность непростительна».

Эпоха Гэнроку была временем расцвета японской культуры и искусства. Именно в это время жили и творили Ихара Сайкаку, Тикамацу Мондзаэмон, Мацуо Басё. Все больше выходцев из самурайского сословия, не найдя себе места на службе, предавались искусству. С другой стороны, все больше служащих самураев изучали поэзию, сочиняли китайские и японские стихи. *«Стихосложение – это давний обычай нашей страны. Великие войны всех времен писали стихи, и даже самый низший вассал пробовал время от времени сочинять неуклюжие строки»*, – пишет Дайдодзи Юдзан. В десятой главе «Хагакурэ» самурай в стихах объясняет суть такой добродетели, как искренность (*макото*):

*Поскольку все в этом мире —
Лишь кукольное представление,
Путь искренности – это смерть.*

Увлечение как классической поэзией танка, так и поэзией новой формы – хокку – в эпоху Токугава пронизало все сословия. Нужно заметить, что принцип искренности, о котором шла речь выше, существовал не только в самурайском кодексе чести, но и в поэзии хокку. Когда великий Басё умирал, ученики попросили его сложить *дзисэй* – предсмертное стихотворение. Басё поначалу отказывался: каждое стихотворение он писал как предсмертное, которое могло оказаться последним. Но потом все же продиктовал:

*Лихорадка в пути.
Сон мой кругами бродит
По выгоревшему полю.*

Что ж, недаром Басё происходил из самурайской семьи Мацуо Ёдзаэмона.

Однако с течением времени внутреннее напряжение выстроенной Токугава властной системы неуклонно нарастало. В 1853 году страну сотрясли пушки commodора Мэтью Перри, и самураи – от самого сёгуна и его прямых вассалов до низших асигару и ронинов – оказались перед лицом ужасного факта: их культивируемая веками доблесть бессильна против европейской военной машины.

Нельзя сказать, что до этого момента не было тревожных предвестий. Японские правители с тревогой следили за ходом «опиумных войн» в Китае (1840–1842, 1856–1860), было также несколько мелких столкновений, в ходе которых европейцы неизменно одерживали верх. Но до Перри никто не выдвигал всерьез требования открыть страну для торговли. Чиновникам бакуфу ничего не оставалось, кроме как сдаться.

Недовольство правлением сёгунов Токугава, зревшее с момента его установления, про rvalось, когда бакуфу пошло на уступки перед лицом превосходящей силы. Молодые самураи толпами срывались со службы в своих ханах и бросались в Эдо и Киото, чтобы предложить свой меч императору. По всей стране звучал призыв «Сон но дзё и!» – «Почитай императора, изгоняй варваров!»

На фоне всех этих беспорядков совершенно незамеченной прошла попытка молодого самурая из хана Тёсю, Ёсиды Сёина, проникнуть на борт корабля Перри. Будучи выдан японским властям, Ёсида объяснил, что причиной его стремления покинуть Японию было желание раскрыть секреты могущества «варваров» с тем, чтобы побить европейцев их же оружием. Сёгунская администрация настолько растерялась перед лицом такой искренности, что Ёсида за преступление, карающееся смертной казнью, отделался тюремным заключением. Выйдя из тюрьмы, он основал в своем хане «Вольную академию под соснами» – частную школу, где

кроме традиционных конфуцианских дисциплин преподавалась японская литература (а заодно и патриотические идеи Мотоори Норинага, основателя японского литературоведения), европейская география (по перерисованным голландским картам) и военное дело. Одновременно Ёсида вел активную переписку с друзьями сходных убеждений в Киото и Эдо. Узнав о том, что правительство сёгуната не намерено противостоять «варварам» и уже подписало несколько неравноправных договоров с Америкой, Британией и Францией, Ёсида попытался организовать заговор, чтобы убить чиновника, отвечавшего за этот позор. Узнав о заговоре, правительство хана выдало Ёсиду сёгунату, и в 1859 году учителя-вольнодумца казнили.

Его короткая и, казалось бы, незаметная деятельность в качестве частного преподавателя и невезучего террориста многое изменила в истории Японии. Несколько учеников «Вольной академии под соснами» извлекли из смерти учителя совсем не тот урок, который хотели преподать власти. Молодые самураи Такасуки Синсаку, Кидо Такаёси, Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо пришли к выводу, что самураи как военная сила никуда уже не годятся и нет смысла воевать с европейцами по старинке, нужно реорганизовать армию по европейскому образцу, набрав туда простолюдинов и вооружив их по последнему слову оружейной техники.

Примерно в то же время в Эдо преподавал европейское военное и морское дело Сакума Сёдзан, выдвинувший принцип «западная наука, восточная этика». Сакума, чиновник бакуфу, был вдохновителем Ёсиды и хотя не шел на открытое противостояние с властями, все же отсидел какое-то время в тюрьме за неортодоксальный образ мысли. *«Если мы не знаем ни врага, ни своих сил, мы, безусловно, потерпим поражение в любой битве. Однако даже если мы знаем врага и свои силы, мы все же в существующих условиях еще не можем говорить о сопротивлении. Только после того, как мы искусно овладеем всем тем, что блестяще использует враг, мы сможем говорить о победе над ним»*, – писал он. Радикалы из роялистского лагеря не могли простить ему «низкопоклонства перед Западом», и в 1864 году Сакума был убит политическим террористом из Кумамото Каваками Гэнсаем.

На улицах Киото и Эдо открыто лилась кровь. Политические разногласия между ронинами легко переходили в резню, кроме того, безденежные «люди благородных устремлений» не гнушались грабить торговцев, которые в социальной иерархии считались стоящими на низшей ступени. Чтобы положить конец беспорядкам в Киото, Мацудаира Катамори, комендант столицы, принял решение усилить городскую стражу отрядом, набранным из ронинов, которым дали право применять холодное оружие (в Японии того времени органы правопорядка могли пускать в ход только палки). Так был собран отряд «Синсэнгуми», костяком которого стали восемь человек, вышедших из эдоской школы фехтования «Сиэйкан». Во главе их встали Кондо Исами и Хидзиката Тосидзо, крестьяне из провинции Тама. Кондо был принят в самурайское сословие через усыновление, а Хидзиката и вовсе выдумал себе фамилию сам. Отряд был примечателен тем, что в него брали людей самого разного происхождения – имело значение только умение владеть мечом и готовность подчиняться железной дисциплине. Первый пункт устава «Синсэнгуми» гласил: «Запрещается отступать от принципов бусидо». Наказание за нарушение любого из пяти пунктов было одно: сэппуку.

Несмотря на то что большинство из офицерского состава «Синсэнгуми» первоначально придерживалось патриотических и изоляционистских идей, служебный долг сделал их противниками роялистов, действовавших под лозунгом «Сон но дзё и». Целью этих бесшабашных идеалистов было спровоцировать войну Японии с иностранцами. Трезвые же люди понимали, что исходом этой войны может стать только гибель государства, но за два с половиной столетия мирной жизни разрыв между самурайским идеализмом и реальностью стал настолько велик, что вся Япония могла туда провалиться целиком. Людям, именовавшим себя «рыцарями реставрации», было безразлично, погибнет Япония или нет, их интересовала только собственная смерть, по возможности красивая и возвышенная. В 1864 году заговорщики планировали поджечь Киото, похитить под шумок императора и вывезти его на гору Хиэй, чтобы

от его имени объявить войну. Возможные массовые жертвы среди населения их не останавливали. Члены «Синсэнгуми», целью которых было сохранить в городе порядок и безопасность, должны были противодействовать «рыцарям реставрации» безотносительно сходства или расхождения в политических убеждениях. Их называли «волки Мибу» и «псы сёгуната».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.